

Глава 24. Тысячи гор в закатном снегу, куда бредёт одинокая тень?

Жун Цунцзинь долго молчал, не в силах отвести взгляда от сияющих, как звёзды, глаз Гу Чжао, в которых плескалась чистая, неприкрытая радость.

Прежде он думал, что любовь такого простодушного человека поверхностна, сродни мимолётной забаве с уличным котёнком, не имеющей особого значения. Поэтому он не придавал значения тому, что Гу Чжао был очарован его внешностью — в конце концов, это был способ привлечь его внимание. Все вокруг твердили, что Гу Чжао глуп, и он, в глубине души, с этим соглашался. Но у всего есть две стороны, даже у нефрита бывают изъяны. Никто не идеален, так зачем требовать невозможного? Он просто не обращал на это внимания, сознательно игнорируя.

Но сегодня он осознал, что Гу Чжао вовсе не глуп. Его чувства были гораздо глубже, чем он мог себе представить. Глупцом был он сам.

Эта любовь была слишком чистой, слишком безупречной. Гу Чжао не просил ничего взамен, он просто с гордостью расправлял грудь и преподносил ему свою любовь.

Жун Цунцзинь невольно отвёл взгляд. Возможно, он никогда не сможет любить так же открыто и беззаветно, как Гу Чжао. Но он готов был попробовать.

Только в этот раз. Только с этим человеком.

— Я не знал, что это были вы, Ваше Высочество, — тихо произнёс он.

Когда Гу Чжао упомянул их ссору, Жун Цунцзинь вспомнил, как в ту ночь у зала Цзиин видел двух толкающихся евнухов. Один, повыше, в алом халате, надменно толкал другого — щуплого и невысокого паренька в синей одежде, который качался из стороны в сторону, словно мяч. Двадцать с лишним ступеней из белого нефрита вели к залу. Ночной ветерок был свеж, звёзды мерцали, и аромат от пышной зелени поднимался по крутым ступеням.

Он забеспокоился, что заносчивый евнух может столкнуть тщедушного мальчишку вниз, и насторожился, чтобы в решающий момент успеть его подхватить.

Он разглядел лишь, что толкавший был в алом халате пятого ранга, а другой — в синем, и поспешно решил, что это униформа евнуха самого низшего, девятого ранга.

Во дворце не было ничего нового в том, что старшие помыкали младшими. Он, как член семьи чиновника, не имел права делать им замечания, но падение с такой высоты могло привести к трагедии. Маленький евнух, на вид лет одиннадцати-двенадцати, в ночной тьме казался испуганным кроликом. Даже когда он укрыл его за своей спиной, мальчик продолжал дрожать. «Такой маленький и робкий, как он выживет в этом кишасщем змеями дворце?»

В тот момент его охватила лёгкая жалость, и он не удержался, чтобы не отчитать обидчика и не дать пару советов мальчишке, надеясь, что тот сможет изменить свой мягкотелый характер. В любых обстоятельствах человек должен сначала научиться стоять на своих ногах, чтобы найти выход.

Кто бы мог подумать, что этим маленьким евнухом был Гу Чжао... И тот не подвёл его, внял его словам, выпрямил спину и с гордостью взял его в супруги.

— Ваше Высочество так быстро растёт, вы стали гораздо выше, — он никогда не знал об этом. В прошлой жизни их отношения были холодны, Гу Чжао осмеливался лишь издали бросать на него взгляды, и, вероятно, у него так и не было возможности рассказать об этом.

Жун Цунцзинь всё ещё не мог поверить. Он никак не мог связать образ высокого и статного принца с тем маленьким, съёжившимся евнухом. Дело было не только во внешности — за три года Гу Чжао вырос по меньшей мере на два чи, его фигура стала стройной и атлетичной. Он был совершенно не похож на ту тень, которую он видел в ночи.

— Я всё ещё расту! — лучезарно улыбнулся Гу Чжао. — Скоро Цунцзиню больше не придётся меня защищать.

Теперь он сам мог защитить Цунцзиня.

Наследный принц был высок и строен, ростом более восьми чи. Гу Чжао сейчас был выше семи, и при хорошем питании догнать брата не составит труда.

Сложные чувства охватили Жун Цунцзиня. Стоило Гу Чжао хорошо поесть, как он тут же начинал ластиться к нему, а насытившись, заворачивался в одеяло и откатывался в сторону. Это смутно напоминало ему воспитание маленького волчонка, который однажды придёт «отблагодарить» его.

Он редко вмешивался в чужие дела, но в тот день не смог пройти мимо и сделал замечание. И это связало их судьбы.

— Цунцзинь и должен был стать моей принцессой-консортом, — надул губы Гу Чжао. — А молодой господин Юй... я ведь встретил тебя первым.

Если говорить о том, кто был первым, то хоть молодой господин Юй и был помолвлен с Цунцзинем раньше, но он, Гу Чжао, влюбился три года назад и с тех пор тайно наблюдал за ним. Случайная улыбка Жун Цунцзиня на дворцовом пиру могла согреть его душу месяцами в уединении дворца Юннин.

— Почему Ваше Высочество постоянно вспоминает Юй Линси? — Жун Цунцзинь вздохнул, поправил на его голове заколку, которую сам же и закрепил, и, взяв верхнюю одежду,

встряхнул её. Гу Чжао, казалось, был одержим этой темой. Он никогда не давал ему ложных надежд, даже до свадьбы, нарушая все правила приличия, сблизился с ним, лишь бы тот был немного счастливее.

Но стоило Гу Чжао почувствовать, что его положение неколебимо, как он тут же начал с недовольством поминать Юй Линси. Любой бы услышал в его голосе ревнивые и мелочные нотки.

Он — принц, а всё не может забыть какого-то молодого господина из поместья Юй, у которого даже чина нет.

Если бы Юй Линси знал, что стал главной угрозой в глазах родного брата наследного принца, он бы от страха спать перестал.

— Молодой господин Юй — учёный, в следующем году может сдать экзамены и стать цзиньши, — тихо сказал Гу Чжао, надевая халат. — А я даже писать толком не умею.

Он пробовал, но его каллиграфия так и осталась на прежнем уровне.

— Ну и что? Я буду заниматься с Вашим Высочеством, — Жун Цунцзинь с лёгкой улыбкой поправил ему рукава.

— А если не получится? — понуро спросил Гу Чжао, искоса поглядывая на своего супруга. Принцев во дворце обучали лучшие наставники, они были прилежны и трудолюбивы, и у всех был прекрасный почерк. О старшем брате и говорить нечего — его каллиграфию хвалил даже Жун Цунцзинь.

Только у него иероглифы выходили какими-то пухлыми.

— Не получится, так не получится. Что с того? — не задумываясь, ответил Жун Цунцзинь.

В глазах Гу Чжао зажглись утренние лучи, в зрачках вспыхнул яркий огонёк. Уголки его губ сами собой поползли вверх, на щеках появились ямочки, полные сладкой неги. С сияющей улыбкой он раскинул руки и крепко обнял Жун Цунцзиня.

Перед глазами Жун Цунцзиня потемнело. Гу Чжао уже не был тем худым и хрупким юношей, каким был в день их свадьбы. Этот приём «ласточка, летящая в лес» теперь больше походил на «падение скалы». Его руки, словно железные обручи, стиснули Жун Цунцзиня так, что нельзя было пошевелиться, их тела прижались друг к другу без единого зазора.

— Ослабьте немного... — Жун Цунцзинь похлопал его по руке. — Ваше Высочество, я задыхаюсь.

— Ох, ох, — Гу Чжао тут же ослабил хватку, и мир перед глазами Жун Цунцзиня снова стал ясным и чётким.

Пушистая голова, словно у большой собаки, потёрлась о его плечо. Жун Цунцзинь с нежностью провёл рукой по его волосам, коснувшись длинной, прямой шеи. Гу Чжао едва заметно вздрогнул.

— Цунцзинь... — раздался глухой голос из его объятий.

— М-м? — сердце Жун Цунцзиня наполнилось теплом, и голос его смягчился.

Хоть он и был по натуре холоден, рядом с Гу Чжао он невольно снимал все защиты, и при взгляде на него его сердце наполнялось радостью.

— Я хочу возлечь с тобой, — пробормотал Гу Чжао, снова прижимаясь к нему.

Улыбка Жун Цунцзиня застыла. Он немного побаивался. Неизвестно, был ли Гу Чжао так одарён от природы, или его так хорошо кормили в княжеской резиденции, но... это было непросто.

— Цунцзинь, — Гу Чжао почувствовал его молчаливый отказ и снова принялся ластиться, словно большая собака, нежащаяся на солнышке и мурлычущая от удовольствия, когда ей чешут подбородок.

— Хорошо, — с трудом выговорил Жун Цунцзинь.

Гу Чжао тут же перестал грустить и, схватив супруга за руку, потянул его к кровати. Жун Цунцзинь поспешно остановился и, попытавшись высвободить запястье, сказал:

— Ваше Высочество, позвольте мне подготовиться, иначе... я могу пострадать.

Гу Чжао остановился и искоса взглянул на него:

— Принцесса-консорт опять пытается меня обмануть и оттянуть время?

И как у него получается быть то наивным, то таким проницательным?

Жун Цунцзинь потерял дар речи.

— Как я могу обманывать Ваше Высочество? Вы мой муж, супружеский долг — обычное дело.

— Просто предложение Вашего Высочества было таким внезапным, позвольте мне немного подготовиться, хорошо?

— И сколько времени это займёт? — настойчиво спросил Гу Чжао, продолжая смотреть на него искоса, пытаясь казаться суровым.

Но в глазах Жун Цунциня он был похож на котёнка, вообразившего себя тигром.

Неизвестно почему, сердце Жун Цунциня смягчилось. Ему самому это было неинтересно, но он не мог видеть Гу Чжао расстроенным и хотел разгладить складку на его лбу.

— Когда в пруду дворца Юннин расцветут лотосы, я исполню с Вашим Высочеством ритуал Чжоу-гуна, — опустив глаза, пообещал он.

Лотосы расцветут в середине седьмого месяца, всего через полмесяца. Он не совсем его обманывал. Шуаны перед свадьбой всегда готовились. Не каждый муж был терпелив и нежен. Подготовка помогала избежать травм. Но Гу Чжао, с его детским разумом, об этом не задумывался.

Гу Чжао не умел торговаться. Само обещание принцессы-консорта уже сделало его счастливым. Он радостно закивал и, взяв его за край одежды, серьёзно сказал:

— Я буду очень хорошо к тебе относиться.

Жун Цунцинь смотрел на его красивое, сияющее лицо, и сердце его дрогнуло. Нежность, словно утренняя роса на скалах, пропитала его иссохшую, тёмную душу, придав тусклому камню мягкое сияние нефрита.

Вот что такое чувства. Одна улыбка любимого человека — и ты готов на любые уступки.

— Завтрак, должно быть, уже готов. Вчера я достал из погреба фарфоровый кувшин Лунцюань с цветами сливы, что привезли из поместья. Не хотите ли выпить чашу сливового отвара? — кончики пальцев Жун Цунциня слегка покалывало. Он опустил ресницы, скрывая блеск в глазах. Гу Чжао был лучшим мужем во всём Ванцзине. Он не мог представить себя рядом с кем-то другим, в такой же близости и с такими же чувствами.

От одной мысли об этом... становилось тошно.

— Би Тао, ветки сливы вымыты? — выйдя из комнаты и сядя за круглый стол в передней, спросил Жун Цунцинь. Оглядевшись и никого не увидев, он нахмурился и позвал громче: — Би Тао?

— Молодой господин, вы проснулись, — из-за хлопковой занавески вышла Фу Тун. Она нахмурилась и с тревогой сказала: — Золотой орёл, кажется, заболел. Плохо ест, даже стоять не может.

— Би Тао пошла за лекарем, ещё не вернулась, — добавила она. Только где найти лекаря, который лечит орлов?

— Что? — Гу Чжао в ужасе вскочил и, пронёсшись мимо Фу Тун как ветер, выбежал проверить орла.

Жун Цунцзинь поспешил за ним.

Самец, прикованный серебряной цепью, всё ещё стоял на жёрдочке, но уже не дремал. Его золотистые орлиные глаза были полны беспокойства, он то и дело взмахивал крыльями и оглядывался.

Самка, чуть меньше его размером, полулежала на сосновой скамье под навесом. Фу Тун укрыла её тонким парчовым покрывалом, а под ней устроила временное гнездо из мягкого хлопка и шёлка. Самка прикрыла глаза, но было видно, как под веками беспокойно двигаются глазные яблоки.

— Как она так заболела? — Гу Чжао в тревоге метался из стороны в сторону. Он хотел дотронуться до самки, но боялся её разбудить и лишь тихо спросил у Фу Тун.

— Я не знаю, госпожа. Мы кормили их лучшим свежим мясом, как и велел слуга, который их привёз, — поспешно объяснила Фу Тун. — Я лично следила за каждой порцией, чтобы не попало ничего несвежего.

Жун Цунцзинь тоже подошёл к Гу Чжао и, наклонившись, осмотрел самку в гнезде. Несколько дней назад он заметил, что она уже не так сильна и проворна, как раньше, и её золотое оперение слегка потускнело. Поэтому он велел Фу Тун давать ей больше мяса. Эта пара золотых орлов ела только мясо. Несмотря на тщательный уход, самка всё равно заболела.

— Послали кого-нибудь в поместье Динъюань? Спросите у Цзыюаня, эта пара — владыки Мобэя, он должен знать, в чём дело.

— Би Тао перед уходом уже отправила человека, но новостей пока нет, — сказала Фу Тун. — Я пошлю ещё одного.

Самец на жёрдочке, увидев, что вокруг самки собрались люди, вдруг издал пронзительный, долгий крик.

Затем, обезумев от ярости, он расправил крылья и, не обращая внимания на прикованную

правую лапу, рванулся в небо, увлекая за собой жёрдочку. Вся конструкция накренилась и закачалась в воздухе, цепи зазвенели.

В тот же миг из-под серебряного кольца на его лапе выступили капельки крови. Изящная цепь была лишь посеребрённой, а внутри — из чистой стали. Орёл, должно быть, всю ночь пытался расклевать её, но безуспешно.

Теперь же он решился на отчаянный шаг. Взмахнув крыльями и увлекая за собой тяжёлую жёрдочку, он взмыл ввысь, уже оказавшись во дворе. Тонкая серебряная цепь натянулась до предела, но под ярким солнцем всё так же холодно поблёскивала сталь. Орёл, каким бы свирепым и гордым он ни был, оставался живым существом. Как ему было тягаться с металлом? Но он, не обращая внимания на боль, продолжал отчаянно бить крыльями, создавая мощный поток воздуха, который поднимал его всё выше. Серебряное кольцо с силой врезалось в плоть. Правая лапа тут же окрасилась кровью, горячие капли падали на землю. Ещё мгновение — и лапа будет оторвана.

— Прекрати! — в ужасе закричал Гу Чжао. — Ты останешься без лапы!

Фу Тун вскрикнула и потянулась к жёрдочке, но та, закреплённая на балке и унесённая орлом в воздух, была слишком высоко.

— Принеси ключ, — тихо сказал Жун Цунцзинь.

— Молодой господин?

— Иди, — сказал Жун Цунцзинь. Орёл уже всё решил. Он знал, что не сможет сломать цепь, и хотел, взлетев, оторвать себе лапу, чтобы вернуть свободу. Никто не сможет приручить эту гордую пару золотых орлов.

Фу Тун, спотыкаясь, побежала в комнату и достала из сандаловой шкатулки изящный ключ. Жун Цунцзинь медленно вышел во двор и показал ключ орлу, который, вытянув шею, терпел боль, с каждым взмахом крыльев всё ближе приближаясь к свободе.

Орёл пронзительно взглянул на него и камнем ринулся вниз. Гу Чжао, не раздумывая, вскочил на скамью, перепрыгнул через галерею и, схватив Жун Цунцзиня за плечи, закрыл его собой, инстинктивно прикрыв голову рукой и зажмурившись в ожидании удара.

Он видел, как этот орёл своим сверкающим клювом разрывает добычу. Кусок мяса толщиной в два пальца он мог разорвать одним ударом. От страха рука онемела.

Гу Чжао ждал, но боли не было. Он медленно открыл глаза.

— Всё в порядке, Ваше Высочество, — Жун Цунцзинь не пострадал от орла, зато плечо болело

от того, что Гу Чжао в панике слишком сильно его сжал.

Орёл парил в воздухе на цепи, на такой высоте, чтобы Жун Цунцзинь мог дотянуться до замка.

— Я отпущу его, — тихо сказал Жун Цунцзинь.

Гу Чжао очень любил эту пару орлов, он простил им даже то, что они съели его «Чёрного генерала». Услышав, что орёл улетит, он опечалился, но не стал спорить.

— Отпусти. Если он останется, то покалечится. Зачем же ему страдать?

Гу Чжао, всё ещё прикрывая Жун Цунцзиня, взял ключ и сам открыл замок на лапе орла.

Сложный механизм щёлкнул, и цепь, внезапно потеряв натяжение, со звоном упала на землю.

Орёл издал пронзительный крик, его мощные, широкие крылья со свистом рассекли воздух. Сверкнув, как падающая звезда, он взмыл в небо, даже не оглянувшись.

— Он просто бросил её? — Фу Тун вышла во двор и, подняв голову, смотрела в высокое синее небо. Орёл летел так быстро, что, словно стрела, выпущенная из лука, в мгновение ока исчез из виду.

Фу Тун не знала, что и сказать. Она видела, как нежно эти двое относились друг к другу, всегда прижимались друг к другу. А теперь самка заболела, и самец просто бросил её и улетел.

— Позаботьтесь о ней. Кажется, у неё несварение, — предположил Жун Цунцзинь. Вернувшись под навес, он увидел, что самка слабо приоткрыла глаза, взглянула на пустую, всё ещё раскачивающуюся жёрдочку, и снова закрыла свои светло-карие веки.

Жун Цунцзинь не мог прочитать эмоции орлицы, но ему показалось, что она не слишком переживает из-за ухода самца.

Фу Тун же очень жалела брошенную больную орлицу. Боясь, что её продует, она открыла дверь в комнату и осторожно, вместе с гнездом, перенесла её в тихое, защищённое от ветра место, чтобы та могла отдохнуть.

После случившегося Гу Чжао потерял ко всему интерес. Жун Цунцзинь уговорил его немного поесть, а затем вместе с Фу Туном они через полую соломинку по капле давали воду орлице, которая уже не могла стоять.

Самка с трудом приоткрыла глаза, взглянула на Гу Чжао, издала тихий крик и снова забылась

сном.

— Ваше Высочество, — вошла служанка и поклонилась, — управляющий, которого послали в поместье Динъюань, вернулся.

— Скорее зови его сюда, — поспешно вышел из комнаты Гу Чжао.

Управляющий Ли, весь в поту, вытер лоб и, войдя во двор, поклонился.

— Молодой господин Лю сегодня был не в поместье. Но я спросил у его слуги из северных земель. Он сказал, что эта пара золотых орлов очень свирепа и вынослива, может несколько дней обходиться без еды и питья. Даже если заболели, ничего страшного.

— Главное, кормить их свежим мясом, и они быстро поправятся.

— Да она же не ест! — Гу Чжао в отчаянии топнул ногой. Что толку от таких советов? Он махнул рукой, отсылая управляющего, и с тяжёлым сердцем откинул занавеску, чтобы вернуться к больной.

Но вдруг за спиной раздался свист ветра. Тень, отбрасываемая на голубую, расшитую журавлями занавеску, быстро сгустилась. Гу Чжао резко обернулся и с радостью увидел подлетевшего к нему самца, сияющего, как золото.

— Ты вернулся!

Орёл вернулся, но под навесом было пусто. Через приоткрытое окно он увидел на столе бессильно лежащую самку. Не раздумывая, он влетел в окно и, легко взмахнув крыльями, приземлился на стол.

Гу Чжао с радостью последовал за ним и сел вместе с супругом за стол на стулья с высокими спинками, украшенные узором из облаков, не сводя глаз с вернувшегося орла.

В каждой лапе орёл держал по серому кролику. Кролик в правой лапе ещё дёргался — очевидно, был пойман только что. Орёл склонил голову и одним ударом перекусил ему горло. Мощные когти впились в спину кролика, острый клюв в несколько движений сорвал большой кусок шкуры, обнажив свежее, ещё тёплое красное мясо. Он разорвал мясо на мелкие полоски и, тихо проворковав, поднёс их к клюву самки.

Самка, почуяв запах крови, с трудом открыла глаза. Она долго ела маленький кусочек мяса.

Самец покормил её половиной кролика. Самка немного ожила и, взмахнув крыльями, попыталась есть сама. Самец продолжал кормить её, но теперь разделял кролика быстрее,

подстраиваясь под её растущий аппетит.

Жун Цунцзинь задумался. В Ванцзине не было диких кроликов. Орёл, учитывая время на охоту, вернулся через час. Значит, он летел напрямиком за город, а потом с добычей вернулся назад.

Он знал, что нужно самке.

— Поправилась, поправилась! — Гу Чжао, увидев, что самка ожила, не мог сдержать радости.

— Они едят только дичь? — с сомнением спросил Жун Цунцзинь. Никто никогда не держал в Ванцзине золотых орлов. Они были королями северных степей. Даже если их приручали, хозяину не нужно было их кормить — в степях было полно добычи.

Поэтому люди с севера и не знали, что орлы не едят домашних кур и свиней, и просто сказали, что их нужно кормить мясом.

— Спроси на кухне, разделали ли уже оленя, которого привезли из поместья для Вашего Высочества? Если ещё не добавили приправ, попроси несколько фунтов.

— Да, — ответила Фу Тун.

Орёл разорвал второго кролика и положил перед самкой. Та встала и, придерживая добычу одной лапой, принялась есть. Самец, вздохнув с облегчением, подошёл к ней и нежно перебрал клювом мелкие золотистые пёрышки на её шее. Затем, взмахнув крыльями, он собрался снова лететь на охоту. В этот момент Фу Тун вошла с сине-белым блюдом, украшенным пионами.

— Оленину ещё не мариновали, госпожа Чжао отрезала мне несколько фунтов.

Самка вдруг повернула голову и взволнованно затрепетала крыльями. Фу Тун поставила блюдо на стол.

Самка, жадно доев кролика, тут же подскочила к оленине и принялась за еду.

— Как смешно она ходит, — Гу Чжао, глядя, как орлица, подобрав крылья, ритмично качается при ходьбе, не смог сдержать улыбки и прошептал Жун Цунцзиню.

Эти золотые орлы были неоспоримыми королями неба. На жёрдочке они выглядели величественно. Но на земле их походка была до смешного нелепой, словно они шли, никого не признавая.

Самка оживилась и, жадно поглощая оленину, не забыла издать тихий крик, приглашая самца

присоединиться. Она подвинулась в сторону. Гу Чжао, глядя на её походку, снова рассмеялся и, поставив на стол два пальца, изобразил её неуклюжие шаги. Жун Цунцинь тоже невольно улыбнулся.

Самец съел пару кусочков и снова замер в стороне, наблюдая, как ест самка. Улыбка Гу Чжао постепенно исчезла. Он взял руку Жун Цунциня и тихо сказал:

— Он не хочет её оставлять.

Даже золотой орёл, получив свободу, без колебаний вернётся ради своей подруги.

— В дикой природе ему, наверное, было бы очень одиноко, — Гу Чжао провёл большим пальцем по тыльной стороне ладони супруга. — Одному, даже в огромном мире, что в этом хорошего?

В его голосе звучала невиданная прежде глубина. Жун Цунцинь с удивлением взглянул на него. В тёплом послеполуденном свете профиль Гу Чжао обрёл мягкие золотистые очертания. Юношеская нескладность ушла, линия подбородка стала чёткой и элегантной, плавно переходя в длинную шею. Густые ресницы отбрасывали тёмную тень. Красивое, чётко очерченное лицо, глубокие, как ночь, глаза, в которых отражалась задумчивость. В этот миг наивность Гу Чжао исчезла, и он походил на благородного юношу из знатного рода, исполненного аристократического достоинства. Сердце Жун Цунциня пропустило удар...

Он и не думал, что Гу Чжао способен на такие мысли. Вопросы, которые его мучили, кажется, нашли свой ответ. Когда он отравился, вернулся ли Гу Чжао в Ванцин за помощью? Вероятно, нет...

Они, как эта пара орлов, никогда не разлучались.

<http://bllate.org/book/13698/1585963>